

Eny Gyoss

**Вдох
грядущего**

Eny Gyoss

Вдох грядущего

«Автор»

2026

Gyoss E.

Вдох грядущего / E. Gyoss — «Автор», 2026

Текст вводит читателя в цикл увлекательных историй из жизни главных героев: дедушки Мо и Эрна, проживающих на Дальнем Востоке в конце XVI века. Загадочный дедушка Мо или «Белый шаман» родился в Италии и прошёл полмира, в том числе около 20 лет прожил на Руси. Алессио по рождению на Руси — Алексей. В далёкой стране он становится другом и учителем финского шведа Эрна, чудом оказавшимся на другом конце земли. Друг и наставник в ходе совместных приключений поведаёт множество чудесных историй о людях, чьих душ коснулось откровение и изменило всю их жизнь. Маленькие истории о Большем погружают читателя в глубину человеческой души. «То, что делает нас неповторимыми, то нас и убивает», — сказал один древний мудрец. История рассказывает о том, как, стоя у края, начать новую жизнь. Даже перед лицом неминуемой смерти можно начать новый Путь.

© Gyoss E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ену Gyoss

Вдох грядущего

Глава

Краткая предыстория (для тех, кто не знаком с миром книги).

Эрн — в прошлом воин, всю свою взрослую жизнь воевал. Когда потерял в пожаре жену и сына, вместе с верным другом и соратником Гарольдом, тоже потерявшим семью, оставил Швецию, отправившись на север Руси. Там вместе с поморами уплыл на край света, но спрятаться от душевной боли так и не смог.

Осел в небольшом городке среди лесов, где стал должником. Узнав о таинственном подземном городе с несметными богатствами, вопреки предостережениям и дурным слухам ринулся в путь в глухие леса. Молва гласила: никто из воинов-смельчаков, осмелившимся пойти за сокровищами, не возвратился — все сгнули, кроме одного, безногого. Эрн разыскал его, решив, коль жизнь ему более не мила, то пусть будет как будет. Тот послал воина к белому деду: когда-то таинственный старик, живший в лесной глуши, спас и выходил беднягу. Он не только знал путь к заброшенному городу, но и часто посещал его.

Эрн разыскал старика, сдружился с ним и увлёкся жизнью в лесу, полной чудес и дивных рассказов странника о прошлом своём. Мысль о несметных богатствах, спрятанных в подземельях среди глухих лесов, отошла на второй план...

* * *

Уж третий год пошёл, как Эрн жил в глуши с таинственным шаманом...

К середине осени дедушка Мо и Эрн решили сходить на горную гряду — к востоку от их лесной избышки. На гряде росла очень редкая целебная травка, которую Мо ласково называл светёлкой, бережно собирал, сушил особым образом, а потом относил людям в далёкое племя кайчей. Для народа племени он был шаманом. Собирать травку следовало до первых снегов.

Путь к каменной гряде должен был занять несколько дней.

В первый день шли через разросшиеся кустарники — так короче, — но приходилось то и дело работать длинными изогнутыми ножами-кусторезами. К вечеру изрядно устали — на опушке леса устроили привал.

— Главное — успеть вернуться до первых снегов, — с облегчением выдохнул дедушка, снимая тяжёлый походный мешок со спины, — иначе светёлка сбросит свою силу в землю.

— А почему светёлка? — обратился воин; он уже лежал на куче хвороста, устремив взгляд в быстро темнеющее небо. — И от какой хвори эта травка помогает?

— Светёлка от хвори не избавляет. — Мо устало зевнул.

— А на кой она тогда нужна?! Да ещё такая редкая! Тебя послушать, так её пойдёшь найти ещё! — Воин приподнялся на локте. — Костёр будем разводиться, али так поужинаем? Что-то я совсем выдохся. И в голове шумит маленько, да нога опять разболелась: всё никак не заживёт.

— Давай не будем, коли так. — Дедушка полез в свой мешок. — Вот моей особой наливочки на травках выпьем да орехами с сушёной рыбкой закусим.

После лёгкого перекуса друзья увалились на загодя разложенный возле рослого дуба хворост.

Почти полная луна лениво выплыла из-за макушек темнеющих деревьев. Безоблачное небо предвещало тихую светлую ночь. Вскоре из леса потянуло ночной прохладой и сыростью — тёплые шкуры пришились как нельзя кстати.

— Хм, а спать-то и не хочется вовсе! — нарушил тишину восторженный возглас Эрна, — и голова ясная, и нога не болит — хоть вставай и — в путь! Неужто от твоей хитрой наливки силушка пришла?!

— Вот и ответ тебе на вопрос о травке, кою собирать идём, — хихикнул дедушка, — верно говоришь: на светёлочке настоена.

— Вот те раз! — шея воина вытянулась, в глазах — удивление вперемешку с восторгом. — Всего травка-то, а так голову проясняет, боль унимает да сил придаёт!

— Ага, — снова захихикал Мо, — не всякую хворь травкой вылечишь... а вот светлая голова порой куда важнее в таком случае.

— Ну-у-у коль болезнь неизлечима — на кой тут светлая голова? Всё одно конец пришёл.

— Да не скажи, не скажи... — Мо переместился спиной к дереву, в свете луны его прищур глаз казался особенно таинственным, — порой светлые мысли — единственное, что необходимо для излечения от страшной хвори. Вот тут светёлка и незаменима будет. Излечение, знаешь ли, — оно всегда рядом с нами, какой бы недуг не накрыл своим тёмным покрывалом.

— Хм... — озадаченно буркнул Эрн.

— И таких случаев знаю немало.

— Не поведаешь? — почти упрямая обратился воин. — От историй твоих всё внутри переворачивается и всё вокруг иначе видится.

Мо вскинул голову вверх, его взгляд устремился на полную луну. Казалось, та столь тяжела, что еле-еле поднимается на лесом, неторопливо рассеивая жёлто-голубой свет.

Эрн поспешно уместился поудобнее в ожидании очередного дедушкиного рассказа.

* * *

— Как-то отец Михаил — монах-странник — поведал мне одну преинтереснейшую историю, когда по Руси с ним ходили, — тихим голосом начал дедушка. — Когда-то он вот так же, как я нынче, дивными историями со мной делился.

Так вот... Михаил в родном доме, что недалеко от Веси Ёгоновой (ныне Весеьгонск) добрых людей приютил — Василия и жену его Прасковью, — из соседних ярославских земель пришедших. Сам Михаил в монастырь решил уйти, вот и оставил им дом, чтоб было кому приглядеть.

Так вот, — продолжил Мо, — Василий тот прежде видным держателем земель был. Не то наследник боярина знатного, не то князь поместный... # уж не припомню теперь: много воды утекло с тех пор. Да и сам Василий о том дюже не сказывал, сам поймёшь, отчего. Одно скажу # человеком был весьма известным и богатым в своих местах, а потом взял да и оставил всё!

А сказ о том, стало быть, можно ль новую жизнь начать, когда смерть в дверь стучится. Только вот история долгая.

От этих слов Эрн подскочил на месте:

— Давай! Сказывай, коли любопытство моё распалил! Всё одно сон как рукой сняло, да и сил после твоей наливки — хоть отбавляй.

— Так завтра поутру вставай рано да снова в путь отправляться: а то давай выспимся всласть — голос дедушки звучал заманчиво.

— А-а-а, погодь-погодь! Не ты ль говорил, что цель важна только при выборе, а коль пошёл — путь к ней важен. Сам же одно толкуешь, что самое ценное не в цели, а тут и теперь, даже если приходится от цели отклониться. Говорил же? — воин так разошёлся, что от волнения встал и принялся ходить взад вперёд.

— Да ладно, чего ты так? — дедушка сменил тон на успокоительный. — Вижу, хороший ты слушатель — всё припоминаешь. И верно, самое важное — тут и теперь, потому нечего думать о завтра, коль сегодня в душу стучится!

Сказав, опустил глаза, задумался. Несколько раз тяжело вздыхал, глядя то в одну, то в другую сторону... вставал, снова возвращался на место... Наконец, присел на свою лежанку, прислонился спиной к дереву, застыл и негромким голосом начал:

— Так вот, на чём я там остановился? Знатным и богатым человеком был Василий. Пусть будет князем поместным. Как и положено князю — плодородные земли, крестьяне, дружина, слуги... Хоть и имел большой дом в городе, всё чаще жил в деревянных хоромах у леса с богатым двором. А при дворе много чего имелось: амбары, конюшня, кузня, плотницкая, мастерские всякие...

Большие владения много хлопот приносят, так что хоть и богат был Василий, не сказать, что сполна счастлив в душе.

А тут ещё незадача: не заладилось с соседским землевладельцем. Тяжба у них застарелая имела из-за реки, что по границе земель текла. Каждый частью своих владений видел её. А река немалая, — рыбная, глубокая, — для лодок и мелких судов — самое то; к тому ж лес по берегам строевой, да сплав — прямо к торговым городам. То и дело меж левым и правым берегом распри случались — надобно было спор тот разрешать, покуда дюже далеко не зашёл.

Василий же — человек широкой души: охоту любил с собаками, часто богатые трапезы устраивал, — с заморскими винами, диковинными яствами да лакомствами. Хорошо выпить да погулять от души — с сей слабостью совладать он не мог.

Казалось бы, живи да радуйся — ешь, пей, гуляй... — но тело его так и угасало на глазах из-за редкой хвори, о коей никому ведомо не было. Причиняла она хозяину своему превеликие страдания: невыносимые боли в правом боку, — точно нож в тело.

Одна отрада в жизни Василия — жена любимая. Прасковьей звали супругу княжескую. Ещё в юности меж ними любовь огнём вспыхнула и, спустя уж десять годков, огонь тот всё так и пылал ярким пламенем. Только вот детей не имели... и бог знает, отчего так.

Не было ничего более худого для Василия, чем смириться с тем, что мечте его наследника воспитать сбыться не суждено. Прасковья, видя страдания мужа, согласна была на то даже, чтобы наследника ему другая женщина родила. Но — нет! Через черту сию князь не мог переступить: уж так любил её, так любил... и так верность чувствам хранил, что и помышлять о том не мог.

Покуда Василий бедами своими озабочен был, сосед первым встречу ему назначил, да в гости к себе позвал: самое время судьбу спорной реки обсудить да по мирному договориться. Василию так занездоровилось тогда, что вынужден был послать на встречу людей, к себе приближённых да суть дела знающих. А тот и не подумал их принять, рассерчал не на шутку — отправил обратно. «Разговор вести буду только с хозяином вашим!» — сказал им вслед и новый срок для встречи назначил.

«Хошь не хошь, а ехать надо. И так давно никуда не выезжал, — решил он, — надо и честь знать, да с соседями ладить». Собрался Василий с силами, испил снадобья от лекарей да распорядился упряжь снаряжать # в дорогу дальнюю.

И вот, всё готово: лошади копытами бьют, возбуждённо головами вертят, фыркают — рвутся вскачь... возница, грозно ругаясь, то и дело за поводья дёргает, чтоб стояли окаянные.

А вот и хозяин вышел из своих палат и не спеша, словно собираясь с мыслями перед встречей важной, направился к повозке. В тот вечер ему особенно не здоровилось, оттого и настроения уезжать надолго не было вовсе. Но деваться некуда — надо.

Оттого и был он весьма недоволен, даже раздражён. И вот, собрался было забраться в повозку, как видит, мужик поднял лошади ногу и подкову подбивает. Да ещё спиной к хозяину повернулся, словно его и нету вовсе! Неужто глупец какой из слуг нашёлся, что князю поперёк пути стал, — будто так и надо?!

Разозлился Василий, не выдержал дерзости такой да как пнёт мужичка сапогом прямо в мягкое место, — как в мишень, что сама стрелы просит. Откуда и силы взялись вдруг, да азарт?! Только что на ногах едва стоял!

Мужик тот молоток свой выронил и прямо под ноги лошади кубарем да и полетел. Перепугалась бедная кляча, дёрнулась, на месте засемила — чудом беднягу не затоптала. Сапоги-то у князя справные: из кожи, каблук высокий, да на подкове... как ступит на камень — за полверсты слышно. Не иначе удар сильный кузнецу пришёлся.

«Нашёл время, когда лошадь ковать, дурень! — закричал Василий мужику, пока тот под лошадью пыхтел, — у меня дела важные, князьки, а я должен ждать! Неужто раньше нельзя было похлопотать, да лошадь ко времени подковать?! Где управляющий?!»

Наконец, мужик выкарабкался из-под лошади, держась за бок. Князь окинул взглядом горе-кузнеца и только теперь заметил: перед ним пожилой человек, почитай дедушка. Да он в отцы князю годится! Василий и не видал его прежде. Высокий, седой весь, — и голова и острая бородка. Небогато, но опрятно одетый: светлая рубаха, подпоясанная кожаной бичевой, меховая безрукавка, чистые штаны да лапти.

«Уж не новый ли помощник у кузнеца? — мелькнула догадка, — да кто ж его знает?! Народу при дворе столько, что уже всех и не упомнишь».

Виновато согнув плечи и покорно склонив голову, тот без всякого осуждения смотрел на разгневанного князя. Так смотрит на своего хозяина собака, которую тот только что наказал.

Вспомнился вдруг его знатный отец — земля ему пухом. Тот сызмальства наставлял к подчинённым да слугам с добром обращаться. «Попусту не серчай, говорил: они твои руки и ноги — побережешь — далеко уйдёшь и много сделаешь». Помнится, в последние дни он ко всем вокруг особенно добр был, а на одре смертном прошептал мальцу на ушко: «Каким уйдёшь, сынок, из жизни, таким и с богом встретишься».

Как-то неловко вдруг стало Василию # смутился, заколебался... стоя перед незнакомцем. А как взгляды их встретились да на мгновенье задержались, его самого вдруг с такой силой укололо в правом боку, что от боли громко вскрикнул, согнулся и присел. Держась за больное место, он тихо застонал и медленно опустился на правое колено.

Тут же подбежали люди из прислуги, подхватили его под руки и потащили обратно в дом. По пути к хоромам выгнулся князь на руках, обернулся, чтобы взглянуть на старика. Тот всё ещё стоял и продолжал смотреть на Василия, # задумчиво, с глубоким сожалением и грустью, — без малейшего намёка на злость или радость от ощущения отмщения: мол, «так тебе и надо за грубость твою и высокомерие!»

От взгляда сего князю вовсе не по себе стало. Всё произошло неожиданно, но Василий вдруг ясно увидел себя... глазами этого человека! Теперь смятение его переросло в сжимающее душу чувство вины: ни за что человека ударил... поди, умелого и усердного, желающего путь хозяина от опасностей избавить, да лошадь подковать перед дальней дорогой! Всякое ведь случиться может с хромою кобылой.

Он же... в борьбе с болезнью сначала в уныние впал, а потом # в ярость... да себя на миг потерял, — лицо своё. Будто само провидение не осталось в стороне и остановило всё это! «Быть может я умираю? — пронеслось в голове Василия сквозь туман, накрывающий разум, — и что же... для меня всё вот так вот закончится?! И деяние сие бездумное — моё последнее послание? Как на то Небеса посмотрят, как примут меня грешного в объятия свои?»

С трудом поворачиваясь назад, чтобы видеть незнакомца, преодолевая боль, от которой темнело в глазах, он выражением лица и взглядом, уже ничего не различающим вокруг, говорил куда-то назад: «Прости, старче, я тоже сожалею...»

Внесли его в дом, уложили на кровать и первым делом послали за лекарями. Слава богу, таковые под боком имелись: приступы, менее суровые, случались и прежде, потому предусмотрительно окружил себя князь лекарями, среди которых и иноземные имелись.

Осмотрели те хворого, едва Василий в себя пришёл, и давай шушукаться, да спорить о чём-то своём.

— Эй, чего зашептались промеж собой, будто девицы?! — Голос князя звучал угрожающе. — Давайте мне сказывайте! Всё как есть выкладывайте да ответ держите! Неча правду скрывать!

Те ещё пошептались малость, да самый старший из них вышел вперёд и молвит князю:

— Знаешь ли, батюшка... хворь сия неизлечима... Пожалуй, ничего тут сделать мы не в силах...

— А может... всё же можно что-то сделать? — огорчился князь, но надежду не терял.

— Разве что чудо... — с грустью в голосе промолвил лекарь.

— Вот значит как... # тихо протянул Василий вместе с тяжёлым вздохом, # и сколь долго мне ещё жить осталось? # Его выжидающий взгляд устремился на умудрённого большими познаниями и опытом целителя.

Тот замялся.

— Да говори уж, бестия, как есть! Чо тянешь?! — смиренный настрой Василия сменился на сердитость.

— Немного... — может быть, одну полную луну, может — две... — таков был ответ.

Тогда и поник Василий да замолк вдруг, будто дыхание смерти уловил незримое: слова ни проронит, а всё в потолок глядит безмолвно, будто и нет никого вокруг, акромья неё.

А как лекари откланялись и ушли, Прасковья давай мужа успокаивать: «Всё наладится, милый, только духом не падай...» А на самой лица нет.

Не мог Василий поверить, что жизнь его окончена, — вот так: раз и всё! Смотрит вокруг — богатые покои, прислуга, любимая рядом... — а ведь скоро всего этого не станет. Как же всё в этой жизни устроено-то...

Более всего не хотелось ему расставаться со своей любимой. «Мне в жизни сей ничего не важно, — обратился к ней, когда наедине остались, — я так сильно люблю тебя... Не хочу оставлять здесь одну... и даже представить невмочь мне, что впредь не быть нам вместе...»

Яков

А как Прасковья ушла по делам хлопотать, вызвал он к себе помощника Якова. Друг его отца совсем уж постарел и в последнее время тоже частенько хворал. Кажется, он всегда управляющим при дворе был: ещё прежнему князю — отцу Василия — Яков помогал за хозяйством приглядывать, когда Васька ещё мальцом под ногами путался да с пацанами бегал. Яков справно следил за порядком в их владениях, потому поныне оставался молодому князю главной опорой и другом семьи знатной. Не было рядом более опытного и преданного человека, оттого Василий всецело доверял ему.

— А что то за старик мне вчера лошадь подковывал? — спросил он Якова, едва тот вошёл, — ну, которого я... — Василий замялся, — пнул сгоряча.

— Да пришлый он, — ответил Яков почти равнодушно, но в голосе его прозвучали нотки уважения, — из вольных. Напросился... Нынче в кузне работает, кузнецу помогает. Мастерovitый мужик, дельный.

А отчего не видел его прежде?

Да скромный шибко, # на этот раз Яков ответил с доброй улыбкой, ещё более распаляя любопытство хозяина, # работает себе в кузне припеваючи # куда не надобно, не суётся. Всё больше помалкивает, но умён, скажу тебе, # коли заговорить по душам. В последнее время народ вокруг него так и вьётся. А ещё он всех нас тут лечит.

— Вот как! Хм... — удивился Василий, — и как кличут лекаря твоего?

— Осипом, — лицо Якова озарилось такой благодатью, будто о ком родном говорит.

— И что, знатный лекарь? — в голосе удивлённого хозяина зазвучала лёгкая надежда.

— Ещё какой! — гордо заявил управляющий, — только вот не всем помогать берётся: кого примет, а кому откажет — дюже приглядывается к каждому.

— Вот как? И кому он помог здесь?

— Да вон, взять Трофима: у него спина так болела, что ходить не мог, а нынче — здоровый, бегает, аки лось. Сыну моему Федьке жена бесплодная досталась, так он и ей помог.

— Да ну! — воскликнул Василий, глаза его раскрылись в удивлении, он даже привстал со своего ложа, — это кузнец-то?.. И как лечил? Травник что ль какой?

Яков замялся:

— Ну-у-у, по правде говоря, сам не уразумею.

— Давай-давай, сказывай! — подбодрил Якова князь.

— Да... на реку ходили да разговоры вели... Я одно выходил, поглядывал # сидят, толкуют о чём-то... Самому любопытственно стало. Потом всё спрашивали её: «Чего тебе Осип сказал такого эдакого?», — не говорит, смущается. Но через полгода понесла она, и вот наемни ребенок народился... Осипом нарекли. Вот так вот!

— Как так?! А почему мне ничего не сказали! — рассердился Василий на своего помощника, — эдакое деется во владениях моих, а я и знать не знаю! А вы-то чего всё молчите?! Я тут иноземных лекарей привожу, жалованье плачу им, а мои же люди слова не замолвят, что у нас свой под боком имеется!

— Да он лекарь-то чудной, — пробубнил и вновь замялся Яков, — не снадобьями да травами, а словом помогает. Даст совет человеку — хочешь — делай, не хочешь — не делай. «Я, — говорит, — не лекарь. Так, просто... — помочь хочу».

Из монахов что ль... али батюшка какой в прошлом?

Да нет вроде, # пожал плечами Яков, # правда, говорит мудрёно... но кто следовал советам его, всем полегчало. Ей богу, батюшка. А кому отказал, так... — старик лишь развёл руками. — Спрашивал его, отчего иным отказываешь, он и ответил, что не в силах помочь тому, кто сам себе помогать не готов. А кому помог, так непременно просит: «Никому не сказывайте о том». Вот и молчат все, стало быть. Но народ-то... язык не удержит всякий раз — люди всё одно друг другу по секрету делятся.

— Послушай, а может быть, это и не он вовсе помог... ну, Анюте твоей? — князь засомневался. — Как можно просто так поговорить с человеком и... бесплодная девица дитя народит?!

— Да нет же! — замотал головой Яков, — я и сам удивился, но потом уразумел отчего так получилось. Да, и история та долгая... Да бог с ним! — махнул он рукой, словно не желая продолжать, да тотчас перевёл разговор на землевладельца соседнего.

— Нет-нет-нет!!! Погодь-погодь! — в голосе Василия почувствовалась строгость, — Ты, давай, не хитри, друг! Али не знаешь, что после смерти отца ты мне за него нынче?! Ну-ка, выкладывай!

— Ну-у-у... — замялся Яков, — мне самому в охотку стало разобраться, как увидел, что невестка на сносях. Мужу она так и не сказала ничего, не открылась, а мне потом призналась всё ж.

— Хм... — тихо буркнул князь, громко вздохнул, задумался. — Надо бы с ним потолковать — глядишь, и правда, лекарь хороший.

Тут и прихватило его снова в боку.

Ладно, Яков... # Василий застонал, возвращаясь на мягкую лежанку, # слаб я шибко нынче — отдохнуть бы мне маленько. Приходи-ка ты вечером. К вечеру обычно отпускает — поговорим ещё у огня, как прежде бывало, да поведаешь мне историю свою. И это... ну... скляночку прихвати... с питием целебным, # добавил с улыбкой.

Откланялся Яков и оставил хозяина.

К вечеру Василию и правда полегчало # он даже встал, прошёлся чуток по горнице. Назойливая боль в боку не отпускала, но ходить и даже нехитрые дела делать всё же позволяла.

Князь с грустью осматривал свои покои. Горница немалая — шагов десять каждая стена — здесь он вырос, потому любил уединяться в ней от мирских забот. Бывало, проводил тут вечера с супругой своей, либо с Яковом вёл дружеские беседы, но завсегда беседы в месте этом для души его особенно дороги были. И нынче меньше всего хотелось ему покидать его.

Подошёл к окну, искусно сложенному из кусочков полупрозрачной слюды. Та играла разными оттенками в проходящих сквозь него лучах солнца. Василий опёрся спиной на резной наличник и всматриваться стал в то, что прежде в суге мимо глаз проходило, словно душа соскучилась по утвари родной.

Прямо перед ним — массивный и основательный стол, — не на ножках, а на большом круглом постаменте посередине. Ноги до него не доставали, но прочно держали толстую и тяжёлую столешницу из старого дуба. Далее — широкая дверь из дуба морёного, закруглённая сверху, вся в заклёпках, металлом стянутая, с большими металлическими петлями на всю ширину и ручкой-кольцом. За ней # тронный зал. Перед дверью # большая медвежья шкура, — толстая, ухоженная. Князь любил полежать на мягкой подстилке во весь рост, потому старательно следил за её чистотой.

Над столом три толстые цепи держали большую светильню, умело сотворённую из колеса от телеги. Теперь изысканная резьба и кованые украшения делали её необыкновенно искусной. Широкая плоскость обода под подсвечники, со всех сторон закрытого медью, до блеска начищенного, говорила, что это — светильня. Встав на ноги во весь рост, можно без труда дотянуться до неё, ежели надобно зажечь или поменять свечи. Закопчённое пятно на потолке прямо над светильней не портило вид, но говорило о том, что свечи в комнате горели довольно часто. Толстые, наполовину сгоревшие, нынче они одиноко стояли по кругу в широких медных подсвечниках с ручками, тоже ярко начищенных. Иные из свечей будто понурили голову и, утонув в застывших слезах воска, грустили вместе с Василием.

С двух сторон стола — могучие лавки, украшенные, как и вся деревянная утварь, резными узорами. Поверх лавок — мягкие шкуры.

По правую руку — каменная стена с печью. Камень # дикий, не белёный. Несколько масляных горелок, кованых из металла, висели здесь же на цепях, а лавки у стола поставлены так, чтобы всем был виден огонь очага. Теперь он закрыт широкой медной крышкой, но за ней уж слышна возня и треск огня: истопник Герасим бдит на своём посту, подбрасывая дров.

Печь прилегала к комнате князя своей тыльной стороной, а передом — к помещению истопника. Очаг же имелся с обеих сторон. Правда, для лучшей тяги по обыкновению он оставался открытым лишь с одной. Когда Василий хотел наполнить горницу уютом и открывал очаг, Герасим со своей стороны закрывал — открывал лишь, чтобы дров подбросить.

Слева покоилось большое ложе — князь уже успел накрыть его атласной тканью, вышитой зелёными узорами. Это не была их общей с супругой горницей, однако, иногда, засидевшись допоздна, он укладывался спать здесь.

Над ложем — небольшой самотканый ковёр, настоящая картина на холсте, вышитая разноцветными нитями. В который раз уже Василий смотрел на творение своей Прасковьи; в этот раз — с великой грустью в душе. Раскидистая ивушка на ней сбрасывает листву, склоняясь над рекой. Кажется, теперь образ сей всецело отражал чувства самого князя.

Сбоку в углу — большой сундук, стянутый медью и столь же тщательно начищенный, рядом — небольшой переносной столик, а над ними — полки со столовой утварью, среди которой заметно выделялось серебро.

Справа в углу, у очага — небольшое кресло-трон, укрытое шкурами — в нём удобно расположиться полужёжа. Здесь князь часто пребывал в раздумьях, глядя на огонь.

Все деревянные вещи — добротные, дорогие, всюду искусной резьбой украшенные... — были к тому же пропитаны особым маслом. Это притемняло их естество, но сохраняло самородный рисунок дерева и придавало ещё более богатый вид. Всяк, кому повезло войти в эту тайную комнату, восхищался её уютом, добротностью и красотой.

А потом Василий разместился у очага и погрузился в раздумья, ожидая Якова.

Анюта

Яков заглянул, когда на дворе уже стемнело.

— Давай, дорогой, заходи — посидим у огонька, — всполошился Василий, оставив раздумья; подошёл к печи, открыл очаг.

— У огня, стало быть? — управляющий вошёл в комнату, по-хозяйски осмотрелся.

Князь уже придвинул поближе к очагу своё кресло, поднёс столик и зажёл масляные горелки на стене. Яков быстро смекнул, чего не хватает для подобного случая: частенько сидели они вдвоём у очага, ведя душевные беседы.

— Ага, стало быть, тоды закусочку принесу? — сказал, внимательно глядя на хозяина.

— Да, принеси. — Василий с улыбкой кивнул.

Увидев одобрение, Яков кивнул в ответ и быстро скрылся за дверью.

— Да реши, на чём сидеть будешь! — крикнул вслед Василий.

Вскоре истопник Герасим принёс стульце с мягким верхом: на нём любил сживать Яков. Агафья — пожилая женщина из прислуги — суетливо забегала, одаряя столик закуской: парой ароматных карпов, только что запечённых на углях, свежим ржаным хлебом, солёными огурчиками из бочки, луком и репой, порезанными тонкими ломтиками да льняным маслом политые.

Не успел Василий удобно устроиться на своём месте, как появился и Яков: он осторожно нёс медный поднос, украшенный скромных размеров кувшином лечебной настойки на травах.

— Лечение несу, — сообщил он, закрывая за собой дверь, # как велел, багюшка.

Впервые за вечер князь радостно улыбнулся, ибо хороша была та настоечка. Делал её один местный лекарь-травник, и чудо сие ценилось во всей округе.

— Уххх, Яков... как ты вовремя со своим подносом! — Князь с довольным видом потёр ладошками, взял с полки две серебряные чарки и принялся освобождать место на столике у очага.

Первая чарка # за здравие # в скорости согрела плоть.

Поначалу, как полагалось, разговор зашёл о всяких хозяйственных делах, но довольно быстро сменился воспоминаниями о былом. Василию захотелось в этот вечер оглянуться назад да окинуть пристальным взором жизнь свою. Вспомнились тут приключения разные да перипетии княжеского правления... и то, как с Яковым ходили на охоту, да земли осваивали... Много чего ещё вдруг припомнили.

Треск горящих поленьев, светильники на каменной стене, мягкие шкуры, красивая утварь, вкусная еда, душевный разговор... — всё это создавало уют и тёплую обстановку, благоприятствуя душевному уклону беседы.

— Так, как же этот Осип помог-таки невестке твоей? — перевёл разговор князь, уже немного захмелев, — ты что-то там начал было сказывать.

— Да по принуждению поженили их! — сразу ответил Яков, уже не стесняясь # лишь опустил глаза, громко вздохнул с сожалением. — Знаешь ведь, как оно бывает... Все при выгоде, — решили мы со сватами... и давай скорее к свадьбе готовиться.

Дети не хотели, но мы решили — будет по-нашему. Стерпится — слюбится. Словом, не успели те опомниться, как и свадебку сыграли, — всё, как положено... Так и зажили дети наши в своём новом доме, что мы со сватами им поставили. Всё для них сделали # живи не хочу!

Со временем Анюта чувствами к сыну моему воспылала — мы сразу то заприметили, да обрадовались... Сын у меня хорош с виду — сам знаешь, — да и умом ничуть не обделён...

Но радость наша вскорости омрачилась: Анюта — к нему, а тот на неё внимания не кажет вовсе, будто и нет её! Она, аки птаха, одно вокруг него воркует, да суетится с заботами разными, а тому — хоть бы что. А там смотрю — уж на других девок поглядывает.

Э-э-э, думаю, — так не пойдёт! Отругал его шибко: «Негоже, — говорю, — однако! Грех делать то. У тебя жена есть! Погляди только, как девка к тебе тянется, — к балбесу!»

Тот: «Да, да...», а сам только замкнулся. Не шибко-то он делился со мной, как да чего у них там. Как не пытался разговорить — пустое. Я уж и сам пожалел потом, что насильно женил его, да чего теперь... задним умом-то... Оно-то верно # не следовало мне за него решать — пусть бы сам выбирал, а уж потом мы... Думал, слюбится, ан нет...

А потом... вижу, сын мой голову совсем уж понурил, будто счастье забыло про него вовсе... Тяжко было на то глядеть. И детей у них всё не получалось родить. Сын уж и сам захотел... Годы-то идут, ан — никак. А ведь он один у меня, да поздний к тому ж... — мать-то давненько покинула нас, в мир иной ушла безвременно... Да и мне уж, чего душой кривить, на тот свет пора. Вот такое горюшко на старости лет.

Яков с наслаждением и звонким хрустом отведал капусты. Василий молча слушал, не прерывая. Ничего этого он не знал, потому всей душой погрузился в рассказ Якова.

Да неужто, думаю, я внуков так и не увижу, # вскоре продолжил тот. # Что ж это выходит — род мой на мне и остановится?! Дети и сами уж забеспокоились. Лекарей да знахарей разных к себе приглашали, благо # здесь, под рукой. Без толку! Позже всю округу объездили, всех старух-знахарок обошли — не выходит и всё тебе! Сын уж намекать стал: может, жену поменять, или от другой родить. «Да типун тебе на язык! — говорю, — не по-людски то!»

Такая вот у меня беда случилась. Тут и подсказали мне, что, мол, Осип — помощник кузнеца — помогает лечить хвори разные. Правда, никто не сказывал, чтоб в такой же беде, как у меня, он помощь кому оказал, но кто знает — а вдруг одолеет горе сие. Попытаться-то # не грех.

— Ну, давай, за детей твоих, — Василий поднял чарку и быстро выпил.

Яков последовал за ним, закусил солёным огурчиком, пригубил рыбу.

— Поговорил с Осипом, — тотчас продолжил, вытирая полотенцем губы, — поведал о беде своей. Тот выслушал со вниманием, головой покивал: «Ладно, попробую, — говорит, — давай, показывай своих голубков — потолкую с ними... но обещать ничего не стану».

Да уж какие тут обещания?! — думаю, — и на том поклон: понимаю ведь — все под Богом ходим.

С сыном он совсем недолго беседу вёл. Вот ведь странно, думаю, — что-то быстро закончился их разговор. «Нет, — говорит, будто всё ясно ему, — давай, невестку показывай». — «Неужто с сыном моим что не так?» — уж было забеспокоился. — «Да погодь ты, — отвечает, — не тревожься почём зря».

Так вот с Анютой Осип о-о-чень долго беседы разводил. Очень долго... К реке ходили пару раз и сидели там, на берегу. А мне-то любопытно — пойду, гляну — всё сидят, толкуют о чём-то. Вижу по ним — разговор-то непростой. Ну, ладно, думаю... пусть... кто знает...

Так вот, в последний раз аж вечером Анюта возвернулась! — Яков посмотрел на князя, ожидая удивления, но тот лишь задумчиво кивнул головой.

«Ну что? — спрашиваю, — поговорили?» А та: «Да-да, поговорили...» И всё, ни слова более! Скоренько-скоренько так мимо поспешает... Я и так, и эдак к ней — молчит.

Потом у Осипа спрашиваю: — Ну что, — будут дети?

А тот улыбается: — Время пройдёт — станет ясно.

Словом, тоже ничего внятного не сказал. «Да ну его! — думаю, — видать, и на сей раз ничего не выйдет. Да разве ж разговорами кто исцеляет?! — махнул рукой. # Ладно, # себя успокоил, # человек старание приложил — и на том благодарствую».

И вот, времечко идёт и идёт... гляжу # сын мой как-то меняться стал. Невестку я реже видел, потому ничего сказать не могу. А сын-то частенько захаживал, — повидаться, да подсобить по хозяйству: стар уж я # не под силу одному управляться.

Так вот, обычно он подолгу сидел у меня, задерживался, бывало, и на ночь оставался: разговаривали о том о сём, да во дворе возились. А тут — всё домой поспешает! Я ему: «Да побудь ещё, оставайся уже — поужинаем вместе, да уважишь старика беседами», а он: «Нет, батя, домой пойду: Анюта, поди-ка, ужин сготовила да меня ждёт». А как-то и вовсе заявил: «Давеча обещал, что к реке ходим # закатом полюбоваться».

Чудно... — Яков развёл руками, раскрыл глаза, всем видом своим выражая недоумение. # Показалось мне, али нет? Но вижу, всё домой спешит, всё домой... Раз, другой раз... Никогда прежде такого не бывало, а тут — на тебе, # зачистил. И всё про Анюту свою вспоминает! То, бывало, и словом не упомянет, будто и нету её вовсе, а тут одно про неё толкует! А у самого глаза горят!

«Сынок, — как-то сказал ему в шутку, — что-то я не уразумею, что дееется, да никак не разгадаю тебя, сына моего. Раньше ты всё убежал от жены, а теперича только и норовишь побыстрее к ней возвернуться. Что за диво с тобой сотворилось? Чем угодила вдруг тебе Анюта, от коей прежде прочь бежал? Нет, я, конечно, рад всей душой... Ты просто разьясни мне, старику».

Тот на меня так зыркнул с улыбкой да рукой махнул: «Да всё хорошо, батя, — говорит, — просто мне пора...»

Нет, ну ты погляди на него! — Яков развернулся к князю, с недоумением раскрыв глаза, словно всё это с ним только что случилось. # Вот те раз!

— Хм... И правда чудно... — с улыбкой поддержал его Василий, наливая каждому по чарочке, чтобы не отвлекать рассказчика.

— Словом, засмутился мой сынок, засмутился, да и ушёл... Тогда я сам к ним в гости наведалься. Смотрю и глазам своим не верю: аки голубки, дети мои! Ну, думаю, дела-а-а! А у самого душа поёт! Ну, Осип! Ну, кузнец, ёшь твою!

А через время узнаю # Анюта наша на сносях! Вот радости-то у меня было! Ну, уж это ты сам помнишь.

— О, да-а-а! — засмеялся князь, протягивая Якову настоечку вместе с вопросом: — И что, неужто не в диковинку тебе, как это он её вот так да излечил? Словом одним...

— Да в том-то и дело, от любопытства сгорал, аки головешка # места себе не находил, — согласился Яков и опрокинул чарку. — Как это он смог? Ай, да лекарь! Это же что за диво? Вот так поговорил и — на те, чудо да и сотворилось!

Яков замолчал, дабы прикончить бок поджаристого карпа, следом послал в рот хрустящую репку. С наслаждением всё это прожевав, продолжил:

— Стал искать подход, — как бы так выведать мне тайну ихнюю. Любопытство так и терзало душу. Сын-то родной мне, а Анюта всё стеснялась меня, даже побаивалась; по душам поговорить не получалось никак. «Ну уж нет, так не пойдёт! — думаю. — Чего мне, старому, дома сидеть, коли семья у меня такая? Сам виноват, что робеют предо мной».

Вот и стал чаще хаживать к ним. Бывало, приду, помогу Анюте чем, да и поговорю с ней о том о сём. Раз пришёл, другой... Гляжу — уж и не боится меня Анюта моя.

А как-то раз, ты, батюшка, сына моего в город с поручением отправил, я и пришёл проведать её. Приобнял эдак, аки дочку родную, да и заговорил по-доброму. А как разговорились, про Осипа и спрашиваю. И опять дочка моя застеснялась, замылась, зарделась вся... Да что ж это такое?! — думаю. # Уж и не боится меня, вроде как, а всё молчит и молчит!

Не стал я допросы чинить, а сказал, как есть: сына своего единственного шибко люблю... а, стало быть, и её тож. «Старый уж, — говорю, — мне, видать, совсем немного жить-то осталось... Знала бы, как благодарен я тебе, что сына счастливым сделала да дитятку скоро родишь».

Жду не дожусь. Потому не праздный интерес у меня... Я же вижу, как сын изменился к тебе... # задолго до сей радости. Уж год как тобою грезит. Мне-то оно не всё равно, — кого мой сын любит. А невестка моя, — можно сказать, дочка — меня стесняется, точно я чужой ей!»

Разговора у нас тогда не получилось, но слова мои, видать, в душу ей запали, и уже через время она сама об этом возьми да и заговори. Я тогда совсем часто к ним в гости хаживал # на детей своих полюбоваться. Гляжу, а она другая уже, — посмелее, что ли: не робеет предо мной уж и глаза не прячет, как прежде.

Пришёл как-то с гостинцами, сын ещё не вернулся. Тогда она и поведала мне, о чём с Осипом говорили. Уж как растрогался тогда, что дочка поделилась со мной, что душу свою мне, старику, нараспашку раскрыла! А что мне ещё надо-то?

Василий притих — лишь молча слушал Якова, да всё на огонь поглядывал, изредка поднимая со столика что-нибудь из яств.

— Так вот, и говорит мне Анята, дедушка тот помог ей больше, чем отец родной. Отца-то её знаешь, — купца знатного.

— А то! — бросил в ответ Василий, не сказав более ни слова.

— Так вот, призналась Анята: «У меня, завсегда с отцом не ладилось в детстве. Не то, чтобы по душам — по-простому-то редко когда разговаривал со мной. Да и замуж силой отдал. Другого я любила, — говорит, — но ему не было дела до меня. Семья мужа # знатная — всё тут ясно...

Но всё же пригляделась я к сыну твоему, батюшка. Вижу ведь # во всём этом нет его вины: сам мается, бедняга. По душе пришёлся он мне, а потом и полюбила его. А вот он меня не любил, оттого и тяжесть на душе непомерная сотворилась. Я же видела: он просто терпит меня, да избегает. Не знавала ни любви, ни ласки его».

— И что же тебе дедушка-то сказал? — я всё о своём. — Как смог он через тебя на сына моего повлиять? Разве такое возможно?

Тут и рассказала она мне всё как есть. Вот наш разговор тебе весь на духу и выложу: слово в слово.

Дед Осип оказался таким тёплым, понимающим, — говорит Анята, — сразу к себе расположил. После долгого разговора о том о сём и спрашивает её:

— Ты ведь любишь мужа своего?

— Люблю, — отвечает, — только вот я не по сердцу ему, видать.

— А почему ребёночка хочешь?

— Ну, а как без того в семье? Да и все ждут его от меня, говорит: муж ждёт, свёкор ждёт... # наследника, стало быть. Да и я хочу, но не получается никак... Я уж боюсь, что не будет ребёночка... И что тогда? Прогонят или ещё как избавятся от меня? Я и Господа нашего просила — всё молилась, любви мужней, да ребёнка вымаливала, но ничего не вышло.

Выслушал он меня внимательно, да говорит:

— Не у Бога просить надобно.

Я так тогда на него взглянула с удивлением, аж глаза раскрыла!

— А у кого же, коли не у него? — руками развела. — Али не от Него всё приходит? Али не Он даёт и отымает у нас всё?

— Ну-у-у, чего Боженьку-то по мелочам беспокоить? — Улыбнулся Осип, будто ведаёт, каково тому. — Он уж всё тебе дал, что надобно # теперь ты и сама многое могёшь, потому и проси у себя.

— Как так у себя?! Как?.. Как же... — я аж заикаться стала от слов его, — как у себя?! Я же и так хочу этого! На кой мне ещё и просить?!

— Да-да, — подтвердил Осип, — у себя проси. То не боженька, милая, помехой на пути твоём стоит. Сама ты и стоишь.

— Но как?.. Я ж не могу...

— Верно, — говорит, — та, что нынче страшиться всего — мужа, свёкра... и бог знает чего ещё... # она — не может. Вспомни, — говорит, — детство своё — какая ты была... Вспомни себя: ту Анюту...

И вдруг заговорил обо мне. Я не ожидала, потому как все говорят о чём угодно, только не о душе твоей. А Осип заговорил о жизни моей и чувствах, никому не ведомых, — о том, чего знать не ведомо никому. Да не просто говорил, а тихо шептал на ухо, словно никто, кроме нас, не должен того услышать.

Я вмиг перенеслась в былое, о коем давно запамятовала и уж не вспоминала. А как вспомнила, уж так расплакалась, так расплакалась... Дедушка обнял меня, будто дочку родную только что ото сна разбудил и теплом своим душевным согревает.

— А ведь и правда, — говорю, а сама удивляюсь — как так? — В детстве я была очень смелой: ничего не боялась! Все боялись за меня, кроме меня самой. Я забиралась туда, куда никто не решался. Однажды залезла на самое высокое дерево в округе, — на самую верхушку. Мне и было-то всего годков девять.

А ещё я переплыла речку! Все страшились, хоть и плавать умели. Опасались, потому как течение сильное и река широкая. А я поплыла, поплыла... и переплыла на другую сторону! Всем боязно — только не мне! И теперь вспоминаю — кровь в жилах стынет, — вот ведь бестия-то малая! А могло ведь силушек и не хватить, али ещё чего... А как в лес ходила ночью одна... Никого силой не затащишь туда, куда я забиралась, страха не зная! Видит Бог — я была невероятно смелой и способной на то, на что другие не решались.

— Вот видишь, — шептал на ухо Осип, — ты способна на многое, и для той Анюты, о которой рассказываешь, нет никаких преград. Та Анюта всей душой миру доверяла, её окружавшему, — без оглядки, со всей искренностью детской, — аки другу близкому доверяла.

А я тогда давай вспоминать всякое разное из жизни моей, давно забытой. Осип затих весь, будто исчез сам, душу свою мне отдал: то удивлялся да головой мотал, то кивал в согласии, то смеялся со мной вместе, поддерживая всем сердцем... В тишине души его сама себя услышала вдруг. Вот что случилось. Сама не понимаю, как...

Вместе с ним в былое погрузившись, диву давалась — как же далеко я ушла от той себя, коей прежде была!

— Вот видишь, — одно вторил Осип, — коли была смелой, стало быть, ты и есть смелая в самом деле... — Потому и говорю: не отвлекай Бога по пустякам. На кой просить у него то, что у тебя и так имеется? ...Разве что очень важное, что и вправду сама не сдюжишь, да коли не для себя... Только тогда беспокоить и можно...

И потом, когда домой вернулась, весь вечер я провела в этих чувствах да в ожидании следующей встречи с дедушкой Осипом.

Но что же, доченька, случилось в жизни твоей эдакое, что всё изменило в тебе? # спросил он в следующий раз, # коли маленькой девочкой была, а такой смелой, что иные парни тебе в подмётки не годились! Отчего же потом такой пугливой стала? Когда это вдруг боязнь душу твою одолела, куда доверие твоё и искренность детская запропали?

И вновь Осип по-отцовски приобнял меня, да затих... Всё перевернулось внутри, затрепетало, словно я отцовства настоящего никогда и не ведала. Потому, видать, доверилась, открылась ему, как открылась бы отцу родному. И вновь рядом с ним всей душой перенеслась в былое.

Всего разговора уж не повторить мне, но вспомнила случай, после коего всё моё доверие детское умерло навсегда. Похитили меня плохие люди: надели на голову мешок и долго везли куда-то на телеге. А ежели звала на помощь да плакала, то били нещадно. Очень сильно я испугалась тогда. И хотя нашла в себе смелость да сбежала от них, с тех пор будто надломилось во мне что-то.

Долго искала дорогу домой, а как вернулась, чувствую # что-то изменилось во мне... # другая я уже малость: страх и недоверие поселились в сердце моём. И не сразу закрылась в себе # помаленьку... и больше не хотела ничего: вдруг беда где поджидает — не буду судьбу испытывать. С тех пор притихла и никогда отцу своему не перечила. Да и не был он жёстким; будь я сама посмелее, могла бы сказать «нет», но не говорила # всё боялась чего-то. А не боялась бы, глядишь, и замуж силою не отдал бы.

— Вот видишь... — шептал на ухо дедушка, — одна ты так и осталась смелой и полной доверия, другая же — слабая, трусливая, никому не доверяющая... — взяла верх и теперь живёшь ты в страхе — всё слушаешь, что та прикажет тебе.

Эта, нынешняя ты и не может понести дитя... И не родит... А та — смелая и уверовавшая в силу свою... — та — всё сдюжит. Только вот спряталась она от мира в своём маленьком домике. Вот и забыла ты, что твой настоящий дом — большой, что он — везде... — Осип обвёл вокруг руками.

Неужто думаешь, твой дом — та тесная избёнка с печкой да малюсенькими оконцами, в коей прячешься изо дня в день? Однажды тебе надели мешок на голову, да так напугали, что, хоть и убежала — забыла снять его с себя. Так и живёшь по сей день с мешком тем да глядишь на всё вокруг сквозь маленькие дырочки. И муж не любит ту, что внутри спряталась. А ведь ты тогда смогла убежать, стало быть, отпустило тебя зло, испугалось былого доверия твоего!

Вспомни, как шла, куда захочешь. И ведь не просто к реке ходила, а переплывала её без страха... Ты любила эту реку, доверяла ей. А в лес... одна ходила! Все боялись, а Аня — нет! Ходила, потому как дружила с ним, доверяла ему! Всё было твоим домом: и широкая, бурная река, и тёмный лес, полный волшебства... И луг... Всюду — дом, и везде — ты... и там, и там, и там... И отовсюду маленькие ручейки невидимые к тебе стекались... жизнью одаряя. Там доверие твоё и искренность начало берут.

А ведь, коли посмотреть, твой дом, он и в самом деле большой. Погляди, сколько в нём комнат: и речка, и лес, и луга... И какой просторный! — до потолка — неба голубого — ни за что не достать. Вспомни, ведь когда-то ты сама всё это знала!

Не то, что твоя избёнка, — Осип махнул рукой. — Оставь ты её, наконец, да выйди на свободу! И подруг, коих совсем позабыла, верни; и искренность свою, кою дарила всем...

Всё, что он говорил мне, казалось таким близким, — сказала Аня, — столько воспоминаний вмиг ожило во мне... Какой я была и куда вдруг всё это ушло?!

— Вот видишь! — одно повторял дедушка Осип, улыбаясь, словно сама я всё это открыла, а он только диву даётся, да поддерживает меня, — вот и проси у той, другой, свободной и жизнерадостной... У той девочки, которой была. Только верни её сначала, а там можешь и любви, и ребёнка просить. Она, — говорит, — может всё... и это — ты, — та, что ближе к Богу, а потому более живая, настоящая, сильная... Поверь, — прошептал мне Осип, — всякий её полюбит, всякий захочет быть рядом. Отыщи её, вернись к ней, — вот, что тебе нужно. И никакие лекари не понадобятся. Да и не помочь им теперь той, что в страхе пребывает.

— Надо же! — говорю, — а я всегда думала — Бога просить нужно обо всём и всегда. Да, искренне, но — только Его!

— Коли не помогает, — пояснял Осип, — стало быть, видит — сама можешь. Ты погляди, как Он в тебя верит и с нетерпением ждёт, когда ты сама справишься, да Отца своего небесного порадуешь. Он видит — призабыла ты, как то делать, вот меня к тебе и прислал — напомнить о той Ане, которую Он знает и о коей мечтает. Вот ты и вспомнила!

— Да, да... — засмеялась я, # и верно, так со мной никто не говорил, будто давно знает меня!

Дак то не я, # улыбнулся Осип в ответ, # то # Он мне и нашептал о тебе. Я и сам диву даюсь откровениям сиим.

Всякие сомнения ушли, и так мне легко стало на душе от слов дедушки Осипа!

— Боженька, он ведь аки матушка любящая, — добавил Осип, — которая не бежит тотчас своего ребёнка на руки брать, когда тот сам с колен встать может. Ей только в радость видеть, как он сам себе опорой становится — только такой человек волю Его исполнить силу имеет.

Вот так чудно Осип со мной поговорил. Столько воспоминаний во мне открыл... будто знал, что говорит. И хотя не все тайны ему открыла, было у меня такое чутьё, будто он и о них ведаёт — видит меня насквозь. И покуда сказывала о детстве своём, не покидало меня чувство, будто там, в прошлом он везде был рядом со мной: вместе со мной плывал в реке, вместе ходил ночью в лес и гулял на лугу... и переживал то же самое, что и я...

И почему так тихо говорил со мной — никто нас и не слышал — словно боялся поранить ненароком воспоминания мои, хотел их тайну сберечь. Оттого во мне что-то непостижимое содеялось после беседы той. Проплакала я все чувства сокровенные, что нахлынули на меня. Не выходило всё то из сердца моего — с тех пор только и думала о том.

А позже мне вдруг захотелось снова пойти на речку, пойти на луг — я так давно не общалась с ними... Пошла один раз, другой... И уж никого не спрашивала, идти али нет. По дому похлопочу, мужа накормлю, провожу и — туда, — в свой забытый дом, — живой и без всяких границ.

Шла с мыслями и чувствами, что дедушка Осип во мне разбудил. Начала в лес хаживать, — когда за грибами, за ягодами, а то и просто так. А потом и ночью пошла, — туда, где когда-то гуляла... Да, страшно было поначалу, но я очень хотела этого и смогла. И с людьми как-то всё наладилось: перестала народ сторониться, да друзей снова обрела.

Вот так я вновь и прикоснулась к самой себе. Чувства, кои испытывала когда-то, со всем миром общаясь, стали возвращаться ко мне, а я вспомнила себя, # ту, которой была!

Вот отчего стало всё меняться во мне. К мужу чувства мои лишь выросли и чище стали. А позже заметила вдруг, как он ко мне поменялся: стал глядеть с интересом, с лаской... То не замечал, а тут — глаз не отводит. Начали мы подолгу разговаривать, что-то делать вместе. Он вдруг потянулся ко мне, стал приходить домой, кушать с удовольствием то, что я готовлю, да нахваливать меня...

А потом уж и гуляли вместе, отдыхали, — на речке, в лесу... И всё наговориться не могли. Народ к нам потянулся, в кой-то век гости появились в доме нашем. Так меж нами и разгорелись чистые чувства, и совместное ложе стало желанным.

Как-то спросила у него: «Что случилось с тобой? Отчего так переменялся ко мне?»

— Разве? — говорит, — ну-у-у, не знаю... Наверное, ты другой стала, — немного подумав, добавил он, — сам не разумею. А может, дурак был — не замечал души твоей, коя открылась мне вдруг. Прежде не боялся потерять тебя, а теперь боюсь. Сего не объяснить мне, милая, сколь любя ты мне.

...А вскоре я тяжёлой стала... — закончила рассказ Аня. — Выходит, я изменилась — и всё изменилось.

— Такая вот история, — подвёл итог Яков.

Князь долго молчал, глядя на огонь.

— М-м-да, — задумчиво протянул Василий, — занятный человек этот Осип. Надо бы познакомиться да разговор с ним завести. Кто знает... — быть может, у него и для меня нужные слова найдутся. Поговори-ка ты с ним, — попросил Якова.

— Завтра же поговорю, — кивнул Яков, собирая посуду.

Встреча с Осипом

Пока дедушка Мо вёл свой сказ, поднялся лёгкий ветерок — тучи на небе согнал. Луна теперь лишь иногда выглядывала, чтоб одарить округу своим светом. Эрн встал, потянулся.

— Холодом однако веет, к морозу поди, — заключил он, снова уселся на своей лежанке и ожидающе поглядел на умолкшего дедушку.

Тот словно дремал, погрузившись в свои раздумья, лишь время от времени поглаживал бороду.

— Ну как, готов слушать дальше, али ко сну будем отходить? — обратился к Эрну, сладко зевая.

— Да ты ж знаешь, я готов внимать и денно и ночью. К тому же больно любопытно, о чём же поведал дед Осип князю.

— Ну тогда слушай дальше.

*

— На утро следующего дня в доме князя появился Осип, — охранник с мечом за спиной провёл его через сени, тронный зал, # прямо в комнату Василия. В тронном зале Осип немного задержался, снял с головы шапку и принялся с удивлением и восторгом осматривать помещение: кажется, давно не видел он такой красоты. Охранник вежливо остановился, молча ожидая гостя.

Просторный зал, высокий потолок из толстых бревенчатых перекрытий, за которыми видна крыша. Казалось, она касалась неба. Пол и стены из толстых брёвен удивительно гладкие: ровно обтёсаны и старательно подогнаны друг к другу. Стены украшали большие окна с резными подоконниками и мощные кованые подсвечники с толстыми свечами. Сверху на цепях спускались тяжёлые кованые обручи с масляными светильниками — по две на каждом из четырёх перекладин. Вдоль стен — массивные лавки, накрытые шкурами: видать, здесь прохоят собрания знати да княжьи пиры.

На полу в середине зала — крест-накрест две длинные дорожки с красивым узором, вязаные из толстой нити. Одна вела от входа к большому деревянному трону, величественно возвышающемуся на невысоком пьедестале. На концах подлокотников трона умелые руки мастера сотворили медвежьи головы. Другая дорожка лежала поперёк первой меж двух дверей. Пройдя по ней до середины, охранник свернул направо и пошёл к одной из дверей.

Всё в зале выглядело грандиозным, дорого украшенным и пребывающим в чистоте. Деревянные вещи сплошь резные, а те, что из металла, выкованы с удивительным мастерством. Видать, немало мастеров трудилось здесь, чтобы сотворить эдакое чудо.

Наконец, они дошли до двери, охранник отворил её и завёл Осипа в комнату князя, после чего чеканно откланялся и вышел.

— Доброе утро, княже! — поклонился Осип, — как у тебя тут... прям великокняжеские хоромы!

— Добре, мил человек! — ответил Василий, быстро подошёл к гостю, вежливо предложил раздеться, — ты у великого князя не бывал, коли так говоришь, — он даже сам взял из рук и повесил на крючок меховую безрукавку гостя и войлочную шапку.

Гость остался в длинной серой рубахе почти до колен, подвязанной на поясе толстой бичевой, широких штанах такого же цвета, да в лаптях, которые он тщательно вытер о циновку.

— Располагайся тут, а я отлучусь маленько, — сказал Василий, выходя за дверь.

Осип задержался у медвежьей шкуры, не решаясь ступить на неё. Он внимательно осматривал комнату в ожидании хозяина. В сей горнице всё по-иному, — отметил для себя, — тоже дорогое, основательное, но наполненное особым уютом.

По всему видно — хозяин ждёт гостя: в открытом очаге потрескивает огонь, на столе уже стоят угощения, большой кувшин с вином — высокий, с большой ручкой и изящным горлышком, словно шея лебедя. Не иначе — заморский. На светильне, что над столом, горят свечи.

Обойдя шкуру, Осип прошёлся по комнате, остановился перед вышитой картиной с ивушкой.

Из-за чуть приоткрытой двери доносился голос князя: он давал какие-то распоряжения. Вскоре вернулся. Вслед за ним вошли несколько человек из прислуги: один с подносом — поставил на стол, и без того богатый, ещё несколько блюд, другой занялся печью. Вместе с ними

— Агафья, дворовая девка. Когда те вышли, она осталась стоять, ожидая указаний — опрятно одетая, в платке, светлой рубашке до полу, расшитой цветным узором и в тёмной безрукавке поверх.

— Ступай, Агафья! — распорядился Василий. — Дальше я сам.

Та послушно попятилась задом, непрерывно кланяясь; так и вышла спиной вперёд, закрыв перед собой дверь.

— Прасковья — жена моя рукодельница — сотворила! — гордо заявил Василий, видя, как Осип внимательно осматривает ковёр. — Там — ещё одна, — он махнул рукой в другой угол.

Старик, молча кивнув, подошёл оглядеть и её.

— Чудесная работа! У супруги твоей великое дарование! — похвалил гость, после чего вернулся к столу, нежно погладил резьбу на его поверхности, потом на лавке... засмотрелся на светильню... — Что за мастер сотворил всё это?! — Осип с восхищением обвёл вокруг руками.

— Савелий, — тихо ответил князь, вздохнул, опустил глаза, — наш, дворовой, # мастер, каких не сыщешь. Умер уж, но хорошо его помню: как отец он мне был, когда мальчишкой подле него крутился. Всё здесь — его рук дело.

Несмотря на преклонный возраст, Осип оказался довольно живым и подвижным. Стоило ему заговорить или начать двигаться, возраст, только что видимый, будто прятался куда: даже морщины на лице скрывались. Скромность его и добродушие, разлившиеся мягким теплом по горнице, располагали к себе и словно прятали ясный, пронизательный взгляд мудрого человека.

— Кто ты будешь, добрый человек, откуда прибыл к нам? — обратился князь, всё ещё испытывая большое неудобство перед незнакомцем.

— Издалека я, — ответил тот, — хожу по миру: то там задержусь, поживу, то там... Вот попросился к кузнецу дворовому поработать малость — он и взял к себе в помощники. Хоть нынче могу снова в путь отправиться, батюшка, коли чего...

— Да полноте... Я не против... — князю показалось, что Осип оправдывается, — ты прощевай меня, отец, что ударил тебя... Не в духе был... Да... чего тут оправдываться... Вина на мне, чего тут душой кривить.

— Да ладно... — махнул рукой Осип, улыбаясь, — чего там. Я обиду и не держу вовсе. Понимаю — попал под горячую руку... Да и сам хорош, — Осип словно защищал князя, отчего тот ещё больше растерялся. — Ты — хозяин всё-таки, благодетель наш... А я — работник, — пришлый, с порядками здешними не знаком. Позволь тебя ещё и батюшкой называть как кормильца нашего?

Василий кивнул головой в знак одобрения, подошёл к сундуку, открыл и достал две деревянные чарки. — Но тебе благодарствую, что зла не держишь — почитай, камень с плеч.

Поставив чарки на стол, Василий наполнил их доверху из кувшина:

— Это — Антипа нашего, травника знатного дар, — слыхивал? — настоечка-то целебная # её только и позволяю себе.

— А то! Не просто слыхивал, а уже дружен с ним, покуда здесь живу.

— Вона как! А ты присаживайся, да не стесняйся, — Василий показал на скамью, что ближе к окну, сам устроился напротив. — Не откажи разделить со мной трапезу нехитрую во примирение, тогда только сам себя прощу.

— Не откажу, — Осип присел на мягкую шкуру его взгляд устремился на деревянную чарку, стоящую прямо перед ним.

Искусно вырезанная из дерева в очень тонкую стенку, ещё и украшенная медью, начищенной до блеска.

Заметив интерес гостя, Василий аккуратно взял в руки свою чарку.

— Это тоже Савина работа, # в его голосе вновь слышались грустные нотки # плотником при доме был, а над наставлениями его до сих пор размышляю, хоть и князь целый нынче.

Осип с пониманием закивал.

Говорят, и ты — божий человек, мудростью наделён, — Василий незаметно направил беседу в нужное русло. — Что ж, за мудрых людей, коими полна земля наша.

Вмиг опустошённая чарка громко ударила по столу.

Осип опять молча кивнул, последовав почину хозяина.

— Угощайся всем, чего душа пожелает! — князь обвёл руками стол, после чего взялся придвигать поближе к скромному гостю яства: закуски разные да большую миску с запечённой дичью. — Отведай вот свеженького; утречком с охоты принесли, ещё тёплая, из печи только.

Гость вдохнул аромат.

— Хороша-а-а! — протянул с удовольствием, — давненько дичью не баловал себя — всё больше рыбку...

— И рыбка имеется... вот и хлебушек свежий, Агафьин, — подвинул и их ближе к гостю. — А я дюже охоч до дичи, да нынче, отец, не гожа для охоты совсем, — последовал тяжёлый вздох, — хотя завсегда любил занятие сие.

А что так? # Осип с интересом поднял голову, оторвавшись от трапезы.

Да вот, хворь неведомая, будь она неладна! Так подкосила, что жить осталось мне малость совсем. Да-да, — он заметил внимательный взгляд Осипа, — то не я # лекари в один голос вторят.

Наступила тишина...

Лицо Главного

Пригубили дичь и тут же вернулись к беседе. Осип первым поднял глаза на князя, будто ожидая продолжения. Тот словно ждал того # сходу продолжил:

— Тут народ поговаривает, будто ты людей от всякой хвори избавляешь... Так ли оно?

— Та полноте, батюшка... — ответил тот, накладывая себе разных овощей понемногу, — какое ж то лечение? — так, подсоблю иной раз кому в душе своей разобраться, да и только.

— И как, получается?

— Иногда получается.

— А я вот слыхивал, будто ты, отец, целитель необычный, и ту хворь одолевашь, коя лекарям не по зубам.

Та не, то как повезёт. # Осип махнул рукой. — Народ дюже приукрашивает. — Он вернулся к миске.

— Да ты не сердчай, что болтают разное, — поспешил успокоить его князь, заодно наполняя чарки. — По правде говоря, больше помалкивают все, аки рыбы — клещами из окаянных слова не вытянешь... — Помолчав, добавил с грустью: — Иногда, говоришь, получается. Отчего ж так?

Осип оторвался от еды, поднял глаза, прищурился, пронзив хозяина своим острым взглядом, да так, что тому не по себе стало.

— Так ведь не всяк готов изменить тому, за кого себя принимает, — последовал ответ, — потому и выходит не всегда.

Старик некоторое время пристально смотрел на Василия, словно оценивая, как слова его проникают в хозяина.

— Здесь хворь начало оберёт, # Осип постучал себя по голове, # и чтоб жизнь свою продлить, — продолжил тихим голосом, — надобно кое чему тут, # снова постучал, # при жизни умереть... А я над тем не хозяин # насколько сам сдюжишь, настолько и помощь моя к месту станется.

— Как так умереть? # развёл руками князь.

— А так: для того меня, кем себя возомнил я и кой так шибко завладел сердцем и разумом моим, что камнем тяжёлым на дно тянет. Вот и ты # сумеешь камень свой сбросить, стало быть, помогу.

Князь опешил от слов таких, рука его с чаркой, поднятая над столом, так и застыла вверху; а сам он рот раскрыл, ища, да не находя слов нужных. Видать, никак не ожидал он услышать эдакое, да прямо вот так сходу.

Он вернул чарку на место, нахмурился, опустил глаза.

— А коли не сумею? — наконец, выдавил из себя вопрос, # ну... камень сей отпустить...

Старик молча развёл руками.

— Стало быть, жить мне осталось недолго, — ещё больше нахмурился Василий, громко вздохнул.

— Вижу... — коротко бросил Осип, продолжая внимательно смотреть на князя.

— Не ведаю, чем я пред Богом провинился, # в голосе князя чувствовалась досада, # за что он меня так наказывает? — Его пальцы бережно обхватили чарку и крутили её туда сюда.

— Нет надобности на Бога пенять, — в прозвучавшем ответе не было упрёка, — ты сам к тому пришёл.

— Быть может и так, — отвёл глаза Василий. — А может и... подскажешь чего, а то и поможешь?

— Вот уж не скажу сходу, батюшка... — пожал плечами Осип. — Одно вижу как есть — богатому князю, что нынче предо мной, у коего много земель и слуг, да себе цену знающему... # верно, недолго ещё ходить по земле-матушке.

Потерянный взгляд хозяина прошёлся по горнице, застыв на языках пламени в печи. Да, этот загадочный странник всё более удивлял его, — и прямою своей, и необычностью речей. Василий сидел перед ним, слегка склонив голову, словно нашкодивший сынишка пред строгим, но всё понимающим отцом. Не было у него и малой толики негодования перед неподдельной честностью этого простого мужика и его страшной правдой.

— Но ведь бывают же чудеса!.. — Василий словно что-то выпрашивал. — Уж слышан я о таких, хоть и молод ещё — и сорока годков не прожил.

— Чудеса? — глаза Осипа широко раскрылись, словно увидели что-то знакомое.

— Ну да... Я вот непрестанно молюсь да бога прошу, чтоб помог грешному. Хотя... — князь вспомнил вдруг, что на сей счёт целитель говорил Аняте и замолчал, опустив голову.

— Ну да, — согласился Осип, — оно-то хорошо, только бог творит чудеса свои через нас, — старик вновь перевёл взгляд на чарку. — Коли решишься совершить одно маленькое чудо, что в твоих силах — Он непременно поможет тебе в этом # так великое чудо и свершится.

Князь снова поднял глаза на мудрого гостя, в них будто сверкнула надежда. Осип осмотрелся по сторонам, словно пытаясь убедиться, что рядом никого нет, подался вперёд и тихо, словно по секрету, добавил:

— Ты даже не представляешь, как Он мечтает, чтобы ты содеял это. А нет, так ни твои, ни чужие молитвы уж ничего не изменят.

— Хм... Дивные слова сказываешь, — протянул князь озадаченно, — вижу, мудрый ты человек... Видать, из монастырских будешь...

Осип лишь улыбнулся, но ничего не ответил # вместо этого вернулся к трапезе. Василий последовал за ним.

— Всё ж растолкуй мне, дураку, что же делать-то надобно? — наконец поднял голову хозяин.

— Что делать, говоришь? — тихо и задумчиво протянул Осип. — Готов ли ты, батюшка, снять с себя лицо, к коему прирос всей душой. Видать, изжило оно себя. Оно ведь как # у всего свой век.

— Лицо?... — и снова князь застыл в недоумении.

— Оно самое, — Осип закивал. — Тот, кем себя считаешь. А кто ж ещё, думаешь, гре-зит в нас о бессмертии и процветании нескончаемом? Но... — Осип вновь развёл руками, — увы... у Бога свои виды на нас, и не всякая задумка наша с его замыслами в согласии пребывает.

— У Бога... это да... Ну, давай, за Господа нашего всевидящего! — Князь опрокинул следующую чарку.

Осип одобрительно кивнул, поднял свою, но испил не спеша, смакуя не шибко хмельной напиток.

Чарки будто по задумке своей малы были, # для того, чтоб попивать целебные настойки неспешно и помалу, да речей заздравных побольше говаривать.

— Лицо, говоришь... — тихо пробурчал себе под нос князь, будто слова гостя о чём-то ему напомнили. — Хм...

«Не гордыня ли поселилась в душе моей? — первым пришло в голову князю в ответ на слова Осипа, — и верно, сложно князю, властью облечённому, избежать сей участи. Но хворь, — она ведь не выбирает между князьями и простым людом! Стало быть, не о том речь ведёт этот загадочный старик».

— Думаешь, ты един? — продолжил Осип, уже чуток захмелев, — думаешь, у души твоей одно лишь лицо? Н-е-ет, — тут же ответил, покачав перед собой указательным пальцем, — у неё мно-о-го лиц, потому мно-о-го в тебе разного люда пребывает...

— Вот как?.. Давай-ка растолкуй! — Василий отпрянул назад, упёршись в спинку. Он ждал ответа.

— Ты — большой... — продолжал Осип, — ты — не одно, тебя # много, но ты выбрал одного, самого знатного; его главным и поставил над собою... Его одного слушаешь, ему одному служишь.

— Что ж, противиться не стану, есть правда в словах твоих, — ответил Василий, — кто ж я ещё для себя самого, коли не князь? И князь, скажу тебе, не последний самый! Хотя... # тотчас осёкся, # кому-то я — друг, кому-то — брат... муж...

Осип кивнул в ответ.

— И всё же, — тотчас продолжил, — знатный князь — вот он — главный «ты». Он столь знатен, что всё место в тебе занял без остатка... Остальные — в слугах у него да в подмастерьях, а иных знатный князь и знать не знает, а то и вовсе не желает принимать в палатах своих.

Князь молча внимал; Осип говорил не спеша, то и дело бросая острый взгляд на хозяина: # Внутри каждого из нас — своё княжество, над коим никто иной не властен, кроме того, кому сам власть даруешь. И ведь как ты владеешь землями и слугами, так и лицо наше по обыкновению владеет нами безраздельно.

— Чудно рассказываешь, — слегка хмыкнув, улыбнулся Василий, — но, однако, слова Осипа показались ему занятными.

— Вот, скажи, как князь, своё дело знающий. — По лицу Осипа скользнула хитрая улыбка. — От тебя ли только сила княжества твоего зависит?

— Разумеется, нет! — развёл руками Василий, — ещё отец мой наставлял: не тот хороший правитель, кто за всех всё решает и себя лучшим видит, а тот, кто слышит других и собирает в дружину людей, его самого в разных делах превосходящих. А коли нет таких, то возвращает и пестует их сам, да горой за них стоит. Лишь тогда народ его будет предан хозяину своему до последнего.

— Вот! — Осмелевший Осип потянулся к чарке. — Позволь мне за князем поухаживать, а то, ей богу, неловко мне столько заботы принимать, да тем же не ответить.

— Давай, отец, не робей — наливай! — засмеялся Василий, довольный, что беседа обещает быть дивной и непринуждённой. — Скажу тебе, в горнице сей абы кого не бывает — только те, кто более всех дорог мне.

— Заметил уж, — Осип принялся наполнять чарки, — я сразу почуял, как вошёл: всё здесь пропитано любовью и заботой; и медь вся, бьюсь об заклад, тобою, а не прислугой, до блеска начищена.

— Так и есть! Ох и меток глаз твой! — Василий засмутился, — ай да непростой ты человек, Осип! Ай, непростой! И чего я тебя раньше-то не заметил?

— Верно, мудры слова отца твоего # возьмём их с собой # сгодятся. За него, стало быть! — Осип уважительно поклонился, позволив хозяину первому протянуть руку с чаркой к чарке гостя. — Хороша наливочка! Ой, хороша! И не хмелит почти — поболтав её во рту, проглотил, задержался на миг да с наслаждением выдохнул. Послав следом за наливкой солёный огурчик с поджаристым крылышком, он продолжил:

— Так и в княжестве, что внутри нас: в здоровой душе каждому слово даётся, а коли надо — и власть. Мудрый правитель умеет замолчать, выслушать каждого, даже упрямого... прежде чем слово своё последнее объявить. А вот в больной, хворой... — как в плохом княжестве — всё один за всех решает и слушать никого не желает. А плоть, — она что?.. — следует за душой преданно, да и только. Таково моё разумение, хочешь — верь хочешь — нет.

— Не стану спорить, — ответил князь задумчиво, — уразуметь бы ещё, о чём толкуешь. Ну, сказывай дальше.

Осип продолжил:

— Так и живут все, выбрав себе лицо, — главного: бедного крестьянина, хитрого торговца, сильного али слабого человека... — выбор тот границ не имеет. И не важно, каково положение в миру, важно, что внутри творится.

— А ведь так оно и есть! — согласился князь, закусывая солёными грибочками.

Большая капля воска упала вдруг рядом с чаркой Осипа, потом ещё одна. Тот поднял голову — свеча на светильне течёт. Встал, бережно поправил, неспешно вернулся на место.

— А лицо не только у знати дюже большим стать может и в душе всё заполнить, — продолжил гость. — Скажу тебе, у иного правителя внутри — мир и согласие, а у холопа простого — деспот и тиран. Вот ведь оно как! У самого обычного лаптя, кой день ото дня соху из рук не выпускает, лицо, главный внутри порой всю власть в княжестве души своей прибрал. Одна утеха у такого «господина»: жену отлупить, детей... — да чего там... всяк «господин» всегда найдёт себе слуг. И чем могущественнее власть главного в нас, тем неизбежнее судьба наша.

— Любопытно. Не ему ли Бог время отмеряет? — Князь встал из-за стола, подошёл к очагу, подбросил в огонь поленце. — А может ты и прав — сами же и отмеряем, — Василий задумчиво смотрел на огонь. — Стало быть, княжество моё чахнет нынче...

Василий умолк, погрузившись в глубокие раздумья.

Осип почтительно взглянул на князя; застав того в задумчивости, вновь занялся дичью. Тишину нарушал лишь усилившийся треск огня в печи, да постукивания ветки дерева в окошко. Всё крепчая, ветер сотрясал бедное дерево так, что, казалось, оно в страхе перед стихией раскидывало свои руки-ветви в разные стороны, пытаясь уцепиться, — то за дом, то за землю.

— И всё же... — вернулся к разговору Василий, # что я не так делаю-то? И как теперь исправить всё?

Он порывисто отошёл от очага, возбуждённо заходил взад-вперёд... потом подошёл к окошку. Его сильная рука железной хваткой сжала в кулаке занавеску, взор безнадежно нацелился вдаль сквозь мутное стекло окошка, — на всполохи далёкой грозы.

— Видать, выбрал ты себе лицо большо-о-ое... но со стезёй короткой, — ответил Осип, — и уж нету времени с «главным» твоим разбираться — теперь, пожалуй, проще правителя поменять, куда княжество твоё и вовсе не распалось.

— М-да... чудно всё это, — закивал князь, его голос заметно дрожал; никогда прежде не слышивал он ничего подобного. # Но скажи, могёшь ли помочь мне, исцелить от хвори окаянной?

— Я — нет, — прозвучал ответ, в котором никакой надежды, — кто я таков, чтобы в дела княжества твоего невидимого вмешиваться? А вот ты... — кто знает. Могу лишь совет дать да направление указать. Воспримет ли знатный князь слова мои — не зна-а-ю.

— Давай, отец, свой совет! — громко объявил Василий, будто давно ждал таких слов.

От любопытства и душевного напряжения он сел за стол, придвинулся ближе к гостю, отодвинув чашку с едой в сторону.

— Говорю тебе, — ответил Осип, — излечить не излечу, но коли сможешь заново родиться — хворь твоя сама уйдёт, # с тем, кто умер; а у того, кто родится, ей места не найти. Уж не знаю, сдюжишь ли? — хитрый взгляд старика скользнул по Василию. — Сымешь лицо князя — будешь жить, а нет — сгинешь.

— И что делать надобно мне? — в глазах князя вновь вспыхнул слабый огонёк надежды. «Вот уж верно, — проскочило в голове, — Осип этот, несомненно, лекарь необычный, а слова его — глубоки... хоть и непонятны порой», # давай, выкладывай это самое направление своё!

— А что для тебя самое главное во всём княжестве твоём? — Осип обратился с вопросом, — выбери, без чего ты не хотел бы остаться живым.

— Хм... # Василий снова задумался, откинулся назад и долго молчал, глядя на свечи. # Мне главное... # кажется, нашёл ответ — вернулся к столу, # чтоб жена была рядом, да ребёнок у нас родился... Пожалуй, большего чаяния и нет у меня нынче.

— Тогда не всё потеряно, — лицо Осипа осветила улыбка облегчения, — эти желания всегда можно взять с собой.

— С собой? Куда взять? — не понял князь.

Сейчас растолкую, погодь.

Старик неспешно наполнил чарки, вернулся на место, погладил аккуратно подстриженную совершенно белую бородку и в очередной раз пронзил хозяина своим острым взглядом.

— Так вот, # начал он тихо, не отводя глаз, # смогёшь ли изменить тому себе, коего знаешь много лет? Откажись от всего, чем «главный» владеет: оставь земли свои, измени имя и уйди из этих мест навсегда.

Князь в недоумении раскрыл рот, да так и сидел, ошарашенный, молча слушая Осипа.

— Ты знаешь, что богат, — неспешно продолжал тот, # так стань бедным, # начни всё сначала... Да не пужайся, # добавил с улыбкой, видя недоумение Василия, # то # чтоб уж наверняка помогло. А то ведь... попробуешь схитрить # не поможет.

— О как!? — выпалил князь, резко отпрянув назад — трон его даже чуть сдвинулся назад.

Войди кто в горницу прямо сейчас, непременно решил бы, что хозяина только что огрели по голове чем-то тяжёлым.

— Да-да... — старик с вместе с громким выдохом облегчения вернулся к трапезе: отправил в рот солёный груздь, с наслаждением прожевал, после чего спокойно продолжил, будто говорит о вещах пустяшных: — А что... поселись где-нибудь в лесу, у реки... # в тихом дивном месте, и зарабатывай на жизнь своими руками: трудись на земле, охоться да рыбку лови... — авось с голоду не помрёшь, земля-матушка завсегда дитя своё прокормит. # Закатив глаза, Осип смаковал воображаемые картины с неменьшим удовольствием, чем яства на столе.

Нынче ты хозяин и господин над людьми, # продолжал он грезить, # а ты иди в дальнее село и нанимайся к тому, у кого безраздельная власть над тобой будет... да служи ему так, как хотел, чтобы другие тебе служили.

И, главное, так всё устрой, чтоб даже малой лазейки вернуть всё взад не иметь. Чем меньше тот новый человек будет схож с нынешним, что предо мной сидит, тем больше времени ему отмеряется, хотя... на то # воля божья.

Проницательный взгляд Осипа будто дразнил князя.

— Вот он — а не тот, кого вижу пред собой — будет жить... долго и счастливо.

Нет, ну... оно-то, может и... а вдруг... # Василий что-то пытался сказать, но от нахлынувших на него чувств — в особенности, полного замешательства — не находил слов.

А ты, батюшка, не думай, что я вот так просто тебе то предлагаю, чего сам не испробовал. А сам испытал, потому как мудрые люди надоумили, когда на твоём месте оказался. Мне ведь поболее годков будет, чем на глаз дашь... и жизнь я прожил непростую.

Неужто приходилось? # хозяин с интересом подался в сторону Осипа.

Приходилось, батюшка, # опустил глаза старик: # Я ведь родом с южных окраин из богатой знатной семьи. Там пленён был в юности и в дальние страны османами в рабство продан. Оттуда в Египет бежал, после чего и началось странствие моё по миру. Но то ладно, не обо мне толкуем. # Осип махнул рукой, не желая продолжать, он внимательно смотрел на Василия.

Тот долго молчал; кажется, услышанное сильно его удивило.

— Ну так что скажешь, хозяин? # Осип вернул его к прежнему разговору, # как тебе мой совет?

— А как же супруга? — князь, снова встал с места, принялся нервно ходить по комнате, — ведь люблю её более всего на свете, неужто и её должен буду оставить?!

— Отчего же... — совсем уже смягчился Осип, — любовь, она никогда не заканчивается и не умирает, потому и отказываться от неё нет надобности.

Видя волнение князя, добавил совсем тихо: — Забирай свою любовь и уходи вместе с ней.

— Не умирает, говоришь? — бросил в ответ Василий, застыв на месте. — Только вот пойдёт ли она со мной? Даже не знаю.

— Пойдёт, не пойдёт... # главное, любовь свою заberi в дорогу. Она ведь подобно воде течёт, лишь русло своё меняя. Вот и пусть перетечёт к тебе, но уже другому. Да кабы не любовь твоя, и толковать нам не о чём было бы! — тихо добавил Осип.

Василий молча кивнул.

— Что ж... может ты и прав.

— Только она — любовь — и способна открыть дверь, чтоб при жизни умереть да заново родиться, — добавил Осип, закусывая репкой.

— Уж не знаю, отец, что и сказать тебе. — Василий выглядел потерянным: никак не ожидал он эдакого поворота. — Я поразмыслию над твоими словами. Но ежели не сдюжу вдруг того, о чём молвишь... — засмутился князь, — может быть, сможешь супруге моей помочь? Сказывают, ты уж помогал бабам плодовитость обрести. Коли сам не доживу, так хоть наследника оставлю — мужик во мне будь здоров, слава богу.

— Поможешь себе —поможешь и ей, — ответил Осип, — поверь, у человека, что поселится в лесу у реки и начнёт трудом своим пропитание добывать, будет дитяtko... и не одно! А у князя, чьё время истекает — уж не будет никогда. Вот ведь как, — развёл он руками.

— Да уж... — громко выдохнул Василий, почесал затылок, вновь опустил глаза. — Лечение твоё, дедушка Осип, вроде как и нехитрое, да непросто мне принять его. — Может, есть всё же какое снадобье? Ведь помогают иным всякие там травки, да заговоры.

— Ой, батюшка... — хитро улыбаясь, замотал головой Осип, — Бога не обманешь. Всё норовишь ты и здоровице возвернуть, и жизнь свою княжью сберечь, # стало быть, и лицо прежнее! Нет, так не получится. Пожалуй, и снадобья такого не сыскать. Оно-то верно # порой снадобье в помощь нам, но не в твоём положении: дюже далече забрёл ты, идя дорогой своей широкою.

— Жаль... — в голосе Василия послышалось великое сожаление.

— Поверь, — продолжил свою мысль Осип, — лучшее снадобье ненадолго жизнь твою продлит: запруду уберёт, а водицы-то в реку не добавит. То, в чём хворь начало берёт — «главный» в тебе да лицо его — останется неизменным. Уж поверь старику, не даст он тебе жизни. Василий с явной досадой громко застучал пальцами по столу.

— Матерь божья! Да неужто в словах твоих правда сокрыта?! Найду ли силушки, чтоб вот так вот всё бросить да и уйти бог знает куда?!

— Поступишь, как наказал, проживёшь долгую и счастливую жизнь со своей любимой и двумя детьми, — уверенным голосом ответил Осип, глядя прямо в глаза князю.

От этих слов Василий оживился, глаза его забегали по комнате, словно пытаясь за что-то зацепиться.

— Ты и другим такое сказываешь? — спросил он вдруг.

— Отчего ж... — немного смутился Осип, — какой прок в котомке своей одну травку для всех хворей держать?

— Ну да, — согласился Василий, — понимаю... — у всякого своя беда.

— Можешь не верить мне, только вижу я, батюшка, стоишь ты нынче у самой пропасти. Далее — нет пути. Либо падай в неё князем, либо оставь его, да ступай туда, куда он ни за что не пошёл бы при жизни. А уж кто сильнее из вас: настоящий ты, али тот, за кого принимаешь себя, то мне не ведомо.

— Ну да, — снова согласился князь, — а чего я теряю, коли рассудить по уму? Всё одно — не жилец! Почему бы и нет? На кой мне теперь воля его # княжья?

Теперь понимаю, # усмехнулся Василий, # почему сказал ты в начале, что не каждый себе изменить готов, чтобы исцелиться.

Осип кивнул в согласии да продолжил:

Ежели поразмыслить, так себе как раз и изменяем в угоду тому, кем не являемся вовсе. А тебя государь понимаю! Ой как понимаю! — Осип кинул сочувственный взгляд на растерянного Василия, — знатному князю нынче нелегко: есть, что терять, есть о чём жалеть... — старик неотрывно осматривал комнату, качая головой и искренне сожалея. # И верно, выбор, перед коим стоишь, ой как непрост!

Озадаченный взгляд Василия остановился на очаге. Множество мыслей самых разных проносились в его голове.

— Князь уважения и почтения достоин, спору нет, # добавил Осип, # но поистине большим станешь, когда в душе своей превзойдёшь его. Вот уж поистине хозяином судьбы своей оборотишься. Тогда и вкус обретёшь, даже князю неведомый.

— М-да-а-а... — задумчиво протянул Василий, — кажись, приходит разумение, о чём толкуешь, отец. Что ж, — он вытер губы, — немало узнал я нынче. От души благодарен тебе! Боюсь только, не одолеть мне столько за раз # хочется одному побыть, да поразмыслить. А завтра # уважь хозяина, да загляни к больному к обедне.

— Отчего же... С превеликим удовольствием! За дивную трапезу благодарствую, государь, давненько не потчевался с таким удовольствием. # Осип встал, томно потянулся, всем видом показывая — пора и ко сну готовиться. Потом вдруг подался к Василию и шёпотом, словно делясь сокровенным, произнёс: — Скажу напоследок... Отныне, батюшка, время очень ценно для тебя. Каждая его щепоточка стоит ой как дорого — не теряй попусту: думай, чувствуй, дерзай, радуйся и злись, коль понадобится, но всё одно не теряй — дерзай. Боль придавила — терпи и продолжай дерзать! Другого времени у тебя больше не будет. Вот тут и воля твоя княжеская сгодиться может.

Теперь для тебя весь мир говорить и показывать будет — слушай и замечай каждую малость: в них, в малостях этих ответы кроются, тебе ой как нужные!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.